

СЛУЖАНКА ДЛЯ ПРОКЛЯТОГО РЕКТОРА

АННА РОМАНОВА

ПОСЛАНИЦА ДЛЯ ПРОКЛЯТОГО РЕКТОРА АДАПТИРОВАННОЕ КИНО

Анна Романова

Служанка для проклятого

ректора книга первая

<https://litres.ru/74121748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я должна была стать никем.

Служанкой в мрачной академии, где каждый коридор помнит чужую боль, а каждый взгляд напоминает: здесь у меня нет ни имени, ни защиты, ни права на ошибку.

Ректор этой академии — проклятый лорд, которого боятся даже те, кто кланяется ему в лицо. Холодный, опасный, безжалостный. Он не верит в случайности, не прощает слабости и уверен, что я скрываю больше, чем говорю.

И он прав.

Во мне просыпается сила, о которой лучше бы никто не узнал. Потому что за ней охотятся. Потому что она связана с его проклятием. И потому что чем ближе я оказываюсь к ректору, тем труднее понять: он моя погибель или единственный, кто сможет меня спасти.

Я пришла в академию служанкой.

Но, возможно, именно мне предстоит изменить судьбу проклятого ректора.

Содержание

Пролог. Стеклянная служанка	5
Глава 1. Чужая кровь	9
Глава 2. Чёрная башня	24
Глава 3. Дефектный дракончик	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Романова

**Служанка для проклятого
ректора книга первая**

Служанка для проклятого ректора

Серия: «Попаданка для проклятого ректора драконов»

Пролог. Стеклянная служанка

На арене Академии военных драконов кричали так, будто мир уже треснул.

Сначала я подумала: это ветер.

Потом — толпа.

Потом поняла: нет.

Это дракон.

Чёрный, огромный, с северным льдом на крыльях и тьмой под чешуёй, он бился в магическом круге, который должен был удержать любого зверя. Любого — кроме него.

Каэля Даррена.

Ректора.

Генерала.

Чудовища, как шептали за моей спиной.

Мужчину, который когда-то посмотрел на меня в зале суда и сказал, что смелость не делает ложь правдой.

Тогда я была в цепях.

Теперь — босая, в разорванном сером платье служанки, с кровью на ладонях и маленьким стеклянным дракончиком у плеча.

Очень смешно, если подумать.

В этом мире меня называли примесью, воровкой, обслугой, ошибкой крови.

А теперь вся академия смотрела, как я иду к дракону, ко-

того боялись даже золотые рода.

— Вельт! — закричал кто-то с трибун. — Назад!

Поздно.

Назад я уже ходила.

Когда молчала.

Когда опускала глаза.

Когда позволяла чужой памяти Лиры сжиматься от страха всякий раз, как мимо проходили те, кто ломал её день за днём.

Когда верила, что если быть удобной, тебя хотя бы не добьют.

Нет.

Хватит.

Под ногами хрустело стекло. Не обычное — магическое, прозрачное, живое. Оно росло из моей крови тонкими острыми лепестками, и каждый шаг отдавался болью в костях.

На трибуне кто-то плакал.

Кто-то молился.

Кто-то требовал меня остановить.

А лорд Вальт улыбался.

Он думал, что всё получилось.

Что проклятие сорвёт ректора, ректор убьёт студентов, Совет получит академию, а виноватой сделают меня. Слушанку. Примесь. Девочку, которую удобно бросить под любой приговор.

Почти хороший план.

Если бы не одно «почти».

Я больше не была той Лирой Вельт, которую можно было ударить в тёмной галерее и оставить умирать.

И уже не была Ириной Соколовой, которая всю жизнь спасала других, забывая спросить, кто спасёт её.

Я стала чем-то третьим.

Разбитым.

Собранным заново.

Стеклянным.

Дракон рванулся.

Магический круг лопнул.

Тьма ударила в стороны, сбивая людей с ног. Я подняла руку, сама не понимая, как знаю, что делать.

Передо мной вырос щит.

Прозрачный.

Тонкий.

Невозможный.

Тьма ударила в него — и раскололась на тысячи чёрных искр.

На арене стало тихо.

Каэль опустил голову.

В янтарных глазах почти не осталось человека.

Почти.

Я сделала ещё один шаг.

— Дышите, милорд ректор.

Дракон зарычал.

Земля под ногами дрогнула.

— Если сожжёте меня, — сказала я, и голос почему-то не сорвался, — лечить вас будет некому.

На секунду в его глазах мелькнуло узнавание.

Боль.

Ярость.

И то, что мы оба слишком долго называли проклятием, чтобы не назвать другим словом.

Связь.

Позади меня маленькая Милли расправила повреждённое крыло и вдруг издала тонкий стеклянный звон.

В ответ по всей арене проснулись осколки.

В стенах.

В старых гербах.

В забытых могилах под академией.

В моей крови.

Лорд Вальт перестал улыбаться.

Хорошо.

Я очень ждала этого момента.

Дракон сделал шаг ко мне.

Теперь кричали все.

А я смотрела на него и думала только об одном: если выживу, обязательно скажу Каэлю Даррену, что назначать врача служанкой было худшим назначением в его жизни.

И лучшим — в моей.

Глава 1. Чужая кровь

Я умерла в четверг.

Глупо, буднично и совершенно не героически: мокрый асфальт, визг тормозов, чьи-то руки на моём плече и детский плач за спиной.

Мальчика я успела оттолкнуть.

Себя — нет.

Последнее, что я увидела в своём мире, были фары. Две белые точки, расплывающиеся в дождевой воде, будто кто-то неаккуратно смазал реальность пальцем.

А потом — темнота.

Не уютная. Не мягкая. Не та, о которой пишут в книгах, где после смерти тебя встречает свет, бабушка и ответы на все вопросы.

Нет.

Темнота была ледяной.

И в ней кто-то шептал:

— Дыши, дрянь. Если сдохнешь до суда, мне не заплатят.

Я вдохнула.

Воздух оказался горьким, пыльным и пах железом. Горло обожгло так, будто я наглоталась дыма. Я закашлялась, попыталась поднять руку — и услышала звон цепи.

Цепи.

Я открыла глаза.

Сначала ничего не поняла. Каменный потолок. Узкое окно под самым сводом. Серый свет. Чужие сапоги рядом с моим лицом. Холодный пол под щекой.

И боль.

Боль была везде: в рёбрах, в запястьях, в губе, которую кто-то разбил, в затылке, куда, кажется, пришёлся удар.

Я моргнула.

Передо мной стоял мужчина в форме — тёмно-синей, с серебряными застёжками и гербом в виде раскрытых крыльев. Лицо у него было скучающее, как у медбрата на ночной смене, только медбратья обычно не держат людей на цепи.

— Очнулась, — сказал он и наклонился. — Вот и славно. Ректор не любит ждать.

Ректор?

Я попыталась спросить, где нахожусь, но вместо слов вышел хрип.

Мужчина усмехнулся.

— Голос потеряла, Вельт? Надо было думать раньше. Артефакты ректора воруют только идиотки или самоубийцы. Ты на кого больше похожа?

Вельт.

Слово ударило по сознанию, и в тот же миг в голове вспыхнула боль — острая, белая, невозможная.

Я закричала.

Точнее, попыталась. Горло выдало только сип.

Чужие воспоминания хлынули внутрь, как кипяток в

треснувшую чашку.

Лира Вельт. Двадцать лет. Дочь прачки. Незаконнорождённая. Стипендиатка Академии военных драконов. Третье-сортная. Примесь. Обслуга в форме кадетки.

Ненавидят.

Смеются.

Толкают в коридорах.

И вчера вечером — пустая галерея, золотой свет ламп, чья-то рука в перчатке, удар по затылку, голос у самого уха: «Прости, Лира. Ты всё равно никому не нужна».

Я зажмурилась.

Нет.

Нет-нет-нет.

Я не Лира. Меня зовут Ирина Соколова. Мне тридцать два. Я врач. У меня ипотека, кошка Маруся и смена в детской больнице, которую я, кажется, уже никогда не закончу.

— Вставай, — приказал стражник.

Он дёрнул цепь.

Тело Лиры оказалось слабее моего прежнего. Слишком лёгкое, истощённое, с дрожащими ногами. Я поднялась не с первого раза и едва не упала обратно, но стражник схватил меня за локоть.

— Только попробуй устроить представление перед ректором.

Он поволок меня к двери.

Коридор за ней был каменным и высоким. По стенам тя-

нулись чёрные жилы — не трещины, нет. Они пульсировали, будто в камне текла кровь.

Магия, подсказала чужая память.

Я почти рассмеялась.

Магия.

Конечно.

Потому что умереть под машиной и проснуться в теле обвинённой девчонки было недостаточно.

Мы шли долго. По лестницам, галереям, мимо окон, за которыми небо было слишком ярким и чужим. Внизу раскинулся двор академии: башни, мосты, тренировочные площадки, флаги с драконьими крыльями.

И сами драконы.

Один пролетел так близко, что стёкла задрожали.

Огромная тень скользнула по стене. Чешуя — тёмная, почти синяя. Крылья — как паруса. В груди у меня что-то оборвалось.

Страх Лиры.

И мой тоже.

— Красиво, правда? — стражник заметил мой взгляд. — Жаль, таким как ты разрешают смотреть только снизу.

Я промолчала.

Не потому, что стерпела. Просто запоминала.

Лица. Голоса. Повороты. Выходы. Оружие. Симптомы собственного тела.

Пульс учащён. Возможно, сотрясение. Рёбра ушиблены,

перелома нет или неполный. Запястья содраны. Обезвоживание. Следы старых синяков.

Лиру били давно.

И часто.

К моменту, когда нас ввели в зал суда, я уже знала главное. Если начну плакать — меня добьют. Если начну доказывать невиновность — не поверят. Если буду молчать — решат, что сломалась.

Зал был полон.

Кадеты в форме стояли по обе стороны, преподаватели сидели на возвышении, а в центре, под гербом академии, находился он.

Ректор.

Каэль Даррен.

Я узнала его из памяти Лиры мгновенно, хотя вживую он оказался страшнее любого воспоминания.

Высокий. Чёрная форма без единой лишней детали. Серебряные волосы убраны назад. Лицо резкое, холодное, почти безупречное — из тех, что кажутся вырезанными не для улыбок, а для приказов.

Но хуже всего были глаза.

Янтарные.

Не карие. Не золотистые.

Именно янтарные — с вертикальным зрачком, который сузился, когда он посмотрел на меня.

Внутри чужого тела что-то панически сжалось.

Дракон.

Не человек с драконом. Не маг-драконник.

Настоящий.

— Лира Вельт, — произнёс он.

Голос был низким и ровным. От него зал будто стал тише.

Я подняла подбородок.

Лучше бы не поднимала. В глазах потемнело, но я удержалась на ногах.

— Вас обвиняют в краже артефакта «Сердце севера» из закрытого хранилища академии, — продолжил ректор. — В пособничестве внешнему врагу. И в попытке скрыться после преступления.

По залу прошёл шёпот.

— Воровка.

— Я же говорила.

— Дочь служанки дорвалась.

— Её надо выгнать.

— Нет, сначала выпороть.

Я слушала и понимала: Лира действительно никому не нужна.

Ни одного лица, которое переживает. Ни одного взгляда, где есть сомнение.

Каэль Даррен поднял руку, и зал замолчал.

— Что вы можете сказать в свою защиту?

Вот он. Первый выбор.

Заплакать? Умолять? Кричать, что я не она? Рассказать

про другой мир, больницу и грузовик?

Меня отправят не в тюрьму. В лечебницу. Если здесь такие есть.

Я облизнула разбитую губу и сказала первое, что могло сохранить мне жизнь:

— Я хочу увидеть место преступления.

Тишина стала другой.

Не презрительной — удивлённой.

Ректор чуть прищурился.

— Вы хотите что?

Голос почти не изменился, но я услышала опасность.

— Увидеть место преступления, — повторила я. — Если я украла артефакт, там должны быть следы. Магические, физические, любые. Вы ректор военной академии, не деревенский судья. Вам нужен виновный или удобная девочка для наказания?

Кто-то ахнул.

Стражник за моей спиной резко дёрнул цепь, но я удержалась.

Каэль Даррен медленно поднялся.

Теперь я поняла, почему Лира его боялась.

Он не двигался угрожающе. Не повышал голос. Не делал ничего, что можно было бы назвать нападением.

Но воздух вокруг него стал плотнее.

Холоднее.

И где-то под кожей у меня болезненно отозвалась чужая

магия.

— Смелость, — сказал он, спускаясь с возвышения, — не делает ложь правдой.

Он остановился напротив.

Слишком близко.

От него пахло морозом, железом и чем-то горьким — лекарством? Я машинально отметила: кожа слишком бледная, под глазами тени, пальцы правой руки едва заметно напряжены. Боль. Хроническая. Возможно, приступ.

— А власть, — ответила я тихо, — не делает правду ложью.

В зале снова ахнули.

Ректор смотрел на меня долго.

Потом его зрачок дрогнул.

На долю секунды — всего на долю — по радужке прошла тёмная трещина. Как яд, расползающийся под стеклом.

Он сжал руку в кулак.

Никто не заметил.

А я заметила.

Потому что всю жизнь смотрела на больных детей и знала: боль прячут одинаково в любом мире.

Каэль наклонился ближе.

— Вы играете не в ту игру, Вельт.

— Возможно, — сказала я. — Но это не значит, что я проиграю.

Он выпрямился.

— Артефакт не найден. Следствие продолжится. До окончания разбирательства Лира Вельт лишается статуса кадетки первого уровня, комнаты в общежитии и права посещать занятия без отдельного разрешения.

Шёпот стал довольным.

Я почувствовала, как внутри Лире что-то ломается. Её последняя надежда. Академия была для неё всем.

Ректор продолжил:

— Чтобы исключить побег и повторное проникновение в хранилище, обвиняемая будет переведена в чёрную башню.

Зал замер.

Даже те, кто ненавидел Лиру, перестали улыбаться.

Чужая память услужливо подсказала: чёрная башня — личные покои ректора. Место, куда не ходит прислуга. Место, откуда иногда выносят обожжённую мебель. Место, где по ночам слышат рёв.

— В качестве кого? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Каэль Даррен посмотрел на цепи на моих руках.

— В качестве служанки.

По залу прокатился смешок.

Я медленно вдохнула.

Служанки.

Конечно.

Врач, погибшая под колёсами в своём мире, стала служанкой у проклятого дракона в чужом.

Отличный карьерный рост, Ирина.

Просто выдающийся.

Ректор повернулся, собираясь уйти, но вдруг остановился.

Тёмная трещина снова мелькнула в его глазу. На этот раз сильнее. Он едва заметно покачулся.

Инстинкт сработал раньше разума.

Я шагнула вперёд, насколько позволила цепь.

— У вас приступ.

Он обернулся.

Тишина стала мёртвой.

— Что вы сказали?

Я уже пожалела. Очень.

Но отступить было поздно.

— Правая рука немеет. Дыхание поверхностное. Зрачок нестабилен. Боль идёт от груди к горлу. Если это яд или проклятие, вы сейчас потеряете контроль.

Лицо ректора не изменилось.

Зато воздух в зале заледенел.

— Вы слишком много видите для служанки, — сказал он.

— А вы слишком плохо выглядите для бессмертного дракона.

На этот раз не ахнул никто.

Люди просто перестали дышать.

Каэль Даррен подошёл ко мне вплотную.

Я видела каждую золотую искру в его глазах. Каждую тёмную трещину, расплзающуюся глубже.

Он должен был меня ударить. Приказать заткнуть. Бросить в подвал.

Вместо этого ректор наклонился и произнёс так тихо, что слышала только я:

— Если вы ошиблись, Вельт, я уничтожу вас.

Я посмотрела на его руку. На пальцы, которые уже начинали чернеть под ногтями.

И ответила:

— Если я права, милорд ректор, через пять минут вам будет не до меня.

Всё закончилось тем, что самый страшный мужчина академии впервые за всё заседание улыбнулся.

Без радости.

Без тепла.

Как дракон, увидевший добычу, которая вдруг заговорила на его языке.

— В чёрную башню её, — приказал он. — Немедленно.

А потом добавил:

— И снимите цепи. Если она попытается бежать, я хочу посмотреть, как далеко уйдёт девочка, которая считает себя лекарем драконов.

Между приговором и башней

До чёрной башни меня вели не сразу.

Сначала был коридор.

Длинный, холодный, слишком чистый для места, где только что так легко сломали чужую жизнь. Стены сияли серым

камнем, в высоких окнах дрожал снег, а за моей спиной шли двое стражей. Не близко. Но достаточно, чтобы я слышала металл их ножен.

Лира помнила этот коридор.

Не весь. Обрывками.

Вот здесь Мирена однажды толкнула её плечом так, что корзина с бельём раскрылась, и белые простыни рассыпались по полу. Здесь кто-то сказал: «Не пачкай лестницу, примесь». Здесь Лира стояла с мокрыми руками и ждала, пока золотые девицы пройдут, потому что служанке нельзя идти рядом с теми, кто носит родовые перстни.

Я шла по тем же плитам и вдруг поняла: тело помнит унижение лучше, чем лицо.

Плечи сами сжимались. Шаги становились тише. Взгляд хотел упасть вниз.

— Нет, — сказала я себе.

Один из стражей кашлянул.

— Что?

— Не вам.

— Сама с собой разговаривает, — пробормотал второй.

Я остановилась и повернулась.

— После публичного суда, смерти, переселения в чужую жизнь и назначения служанкой к проклятому дракону это, поверьте, самая здоровая часть моего поведения.

Он замолчал.

Хорошо.

На лестнице нас догнала Дайна. Она шла быстро, не запыхавшись, с ключами на поясе и лицом женщины, которая заранее недовольна всем миром, потому что мир опять оставил грязь на её полу.

— Милорд приказал передать, — сказала она стражам, — дальше я сама.

— Нам велели довести обвиняемую до башни.

— А мне велели, чтобы башня осталась целой. У вас есть возражения против приказа ректора?

Стражи переглянулись.

Возражений у них не нашлось.

Дайна дождалась, пока они уйдут, и только потом посмотрела на меня. Без жалости. Я уже начинала ценить это в людях.

— Слушайте внимательно, Вельт. В башне тринадцать дверей, которые нельзя открывать. Семь лестниц, на которые нельзя ступать без разрешения. Два окна, к которым нельзя подходить после заката. И один хозяин, которого нельзя злить, если вы хотите дожить до завтра.

— Список коротковат.

— Я ещё не начала.

Она пошла, и мне пришлось идти следом.

— Почему он не отправил меня в темницу? — спросила я.

Дайна не обернулась.

— Потому что темница держит виновных. Башня держит тайны.

— Очень утешительно.

— Вас никто не утешает.

Она открыла первую тяжёлую дверь. За ней пахло холодным железом, травами и чем-то звериным. Не грязью, не кровью — силой, которую слишком долго держали взаперти.

— Милорд не уверен, что вы украли Сердце севера, — сказала Дайна уже тише. — Но уверен, что настоящий вор вернётся к вам. Или за вами.

Я остановилась.

Вот оно.

Не милость.

Приманка.

Почему-то стало легче. С несправедливостью я уже разобралась. С ролью наживки — тоже могла работать. Наживка хотя бы имеет значение для охоты.

— Значит, я не служанка, а ловушка?

— Вы служанка, которая имеет наглость быть полезной.

— Почти повышение.

Дайна открыла вторую дверь. На её запястье вспыхнула маленькая серебряная метка. Камень ответил глухим звуком.

— Башня пускает тех, кого признаёт ректор, родовая кровь или старые договоры Совета. Запомните это.

— Зачем?

Она наконец посмотрела на меня.

— Потому что если сюда войдёт кто-то, кого вы не звали,

не надо думать, что башня предала. Надо думать, кто имеет право прохода.

Тогда эта фраза показалась мне странной.

Позже она спасёт мне жизнь.

А пока я поднялась в комнату, которая должна была стать моей клеткой, и впервые за этот день осталась без чужих глаз.

Только тогда руки начали дрожать.

Не красиво. Не трагично. Просто мелко, противно, как после слишком долгой смены, когда держался до последнего пациента, а потом в ординаторской не можешь попасть ложкой в стакан.

Я села на край кровати.

Лира внутри меня молчала.

Ирина тоже.

Обе, кажется, устали быть живыми.

Глава 2. Чёрная башня

Цепи сняли не сразу.

Сначала стражник, тот самый скучающий любитель философских вопросов про идиотов и самоубийц, посмотрел на ректора так, будто надеялся, что ослышался.

Каэль Даррен не повторял приказов.

Он просто повернул голову.

Этого хватило.

Ключ скрипнул в замке на моих запястьях, железо разомкнулось, и я едва не охнула от боли. Кожа под браслетами была содрана до влажного красного блеска. Если здесь существовал столбняк, я была официально приглашена на свидание.

Отлично.

Новый мир, драконы, магия, ложное обвинение и потенциальное заражение крови.

Пакет «всё включено».

Я прижала руки к животу, чтобы не выдать дрожь. Не от слабости. От злости. Хотя, если честно, слабости тоже хватало. Чужое тело Лиры держалось на упрямстве, обиде и, кажется, одной чашке жидкой каши, съеденной вчера утром.

— Дайна, — сказал ректор.

Из боковой двери зала появилась женщина лет пятидесяти. Высокая, сухая, в тёмном платье с серебряной связ-

кой ключей на поясе. Седые волосы были убраны так туго, что, глядя на неё, хотелось автоматически выпрямить спину и признаться во всех грехах, включая те, которые совершишь только через неделю.

Женщина склонила голову.

— Милорд ректор.

— Разместите Вельт в башне. Нижняя комната западного крыла.

У Дайны не дрогнуло ни одно веко.

Но я видела, как её пальцы сжали ключи.

— Западное крыло, милорд?

— Да.

— Там давно никто не жил.

— Значит, ей будет с кем познакомиться. С пылью.

По залу прошёл тихий смешок. Каэль даже не повернулся к смеющимся, но звук оборвался сам, словно кто-то перерезал нитку.

Дайна посмотрела на меня.

В её взгляде не было жалости. Только оценка.

Сколько проблем принесёт? Сколько проживёт? Сколько ковров испачкает кровью?

Неприятно, но честно.

Я таких медсестёр знала. Они могли ненавидеть весь мир, но перевязку делали идеально.

— Идёмте, Вельт, — сказала она.

Я сделала шаг.

Пол качнулся.

На секунду перед глазами снова вспыхнули фары, дождь, мальчик с круглым испуганным лицом. Я зажмурилась, упёрлась рукой в ближайшую колонну и заставила себя дышать.

Раз.

Два.

Три.

Не здесь. Не сейчас.

— Уже передумали бежать? — негромко спросил Каэль.

Я открыла глаза.

Он стоял у подножия возвышения, бледный до прозрачности. Правая рука была спрятана за спину, но я видела напряжение плеча. Видела слишком частое дыхание. Видела чёрную тень, которая ещё не ушла из радужки.

Мужчина держался на чистой воле.

Проклятой, драконьей, аристократической, какой угодно — но воле.

— Нет, милорд ректор, — ответила я. — Просто выбираю направление. Если бежать, то не в обморок.

Кто-то опять ахнул.

Дайна резко втянула воздух.

А Каэль Даррен посмотрел на меня так, будто всё-таки обдумывал, не придушить ли служанку сразу, пока она не стала привычкой.

— В башню, — сказал он.

И отвернулся.

Это почему-то оказалось хуже, чем если бы он продолжил смотреть.

Дайна пошла первой. Я — за ней. Стражник потянулся было сопровождать нас, но экономка обернулась.

— В чёрную башню с оружием входят только по приказу ректора.

— Она обвиняемая.

— Она служанка башни.

— Она воровка.

Дайна посмотрела на него сверху вниз, хотя была ниже на полголовы.

— Пока милорд ректор не вынес приговор, вы будете называть её Вельт. Или молчать. Второе у вас выходит лучше.

Я почти полюбила эту женщину.

Почти.

Потому что дальше она повернулась ко мне и добавила:

— А вы не улыбайтесь. У меня служанки умирают реже, чем улыбаются без разрешения.

Любовь закончилась.

Мы вышли из зала через боковую галерею. За спиной остался шёпот, взгляды, чужое довольство. Я чувствовала их спиной: «сломается», «не выдержит», «в башне её ректор и прикончит».

Хорошая новость: меня ещё не казнили.

Плохая: кажется, некоторые считали чёрную башню вари-

антом хуже.

Академия оказалась огромной. Не просто учебное заведение — крепость, выросшая из скалы. Коридоры пересекались под странными углами, лестницы уходили то вверх, то вниз, окна смотрели на внутренние дворы, где кадеты тренировались с оружием и магией.

Я видела вспышки огня.

Ледяные копья.

Серебряные щиты.

Одна девушка в форме подняла ладонь — и вокруг неё закружились крошечные золотые искры, складываясь в подобие короны.

Лира внутри меня сжалась.

Мирена Вальт.

Имя всплыло вместе с вкусом крови на губах.

Красивая. Высокая. Белокурая. Дочь золотого рода. Та, чьё имя в академии произносили с уважением или страхом.

Она стояла внизу, среди кадетов, и смотрела прямо на меня.

Улыбалась.

Не широко. Не радостно.

Так улыбаются люди, которые знают: нож уже воткнут, осталось только повернуть.

Я запомнила её лицо.

Врачебная привычка: если пациент жалуется на боль, забывай, кто стоял рядом до приступа.

— Не задерживайтесь, — бросила Дайна.

— Это она меня подставила? — спросила я тихо.

Экономка не обернулась.

— В башне не задают вопросов, которые могут стоить языка.

— Значит, да.

— Значит, вы глупее, чем пытаетесь казаться.

— Это часто происходит после смерти.

Дайна остановилась.

Медленно повернулась.

— Что?

Я посмотрела на неё самым невинным взглядом, на который была способна с разбитой губой.

— После удара по голове. Иногда люди говорят странное.

Она задержала на мне взгляд на несколько секунд.

— В башне странное говорят все. Особенно по ночам. Не советую отвечать.

И пошла дальше.

Чёрная башня стояла отдельно от основного корпуса. К ней вёл крытый мост из тёмного камня. Внизу, далеко-далеко, шумела вода — не река, а, кажется, искусственный ров или ущелье. Ветер здесь был острее. Он забирался под ворот формы, трогал синяки, заставлял дрожать колени.

Башня выглядела так, будто её не построили, а вырастили из ночи.

Чёрный камень. Узкие окна. Серебряные прожилки по

стенам — такие же, как в коридорах, только гуще. Над входом — знак раскрытого драконьего крыла, перечёркнутого мечом.

— Последний шанс, Вельт, — сказала Дайна, не глядя на меня. — Если хотите упасть в обморок, делайте это до порога. Внутри я буду считать это попыткой испачкать пол.

— Вы всегда так поддерживаете новых сотрудников?

— Нет. Обычно они умнее и не разговаривают.

— Буду считать это комплиментом.

— Считайте молча.

Двери открылись сами.

Конечно.

Почему бы дверям в башню проклятого ректора-дракона не открываться самим? Надо же поддерживать атмосферу гостеприимства и лёгкой угрозы смерти.

Внутри пахло холодным камнем, воском, старыми книгами и лекарствами. Последний запах ударил особенно резко. Горький. Травяной. С металлической нотой.

Я остановилась.

— Что это за настой?

Дайна бросила на меня короткий взгляд.

— Вам не положено знать.

— Если это дают ректору, оно может усиливать спазмы.

— Вам положено мыть полы, менять бельё и не умирать на лестницах. Медицинские заключения оставьте лекарю академии.

— Лекарь академии видел его руку?

Дайна замерла.

Очень ненадолго. Но я увидела.

Попала.

— Запомните первое правило, — сказала она уже холоднее. — Вы ничего не видели.

— Плохое правило.

— Единственное, благодаря которому в башне живут.

Она повела меня вниз, хотя я ожидала вверх. Мы спустились по винтовой лестнице на один пролёт, прошли узким коридором и остановились у низкой двери.

— Ваша комната.

Дайна открыла.

Я заглянула внутрь.

Комната была маленькой. Нет, не так.

Она была крошечной.

Кровать у стены. Стол, который явно помнил времена, когда деревья были моложе. Таз. Кувшин. Узкое окно, больше похожее на щель для стрел. На полу — слой пыли такой толщины, что в нём можно было выращивать картошку.

— Милорд ректор щедр, — сказала я.

— Милорд ректор оставил вас живой. Для начала достаточно.

Справедливо.

Неприятно, но справедливо.

Дайна поставила на стол связку серого белья, кусок мыла

и маленькую баночку с мазью.

— Для запястий. Не благодарите. Это не доброта, а расчёт. Служанка с гноящимися руками бесполезна.

Я взяла баночку.

Мазь пахла хвойной смолой и чем-то терпким.

— Спасибо, — сказала я.

Дайна нахмурилась, будто я её оскорбила.

— Правила башни. Слушайте внимательно, потому что повторять я не люблю. Первое: не входить в северный зал. Никогда. Что бы вы ни услышали. Второе: не трогать шкаф с лекарствами милорда ректора. Третье: не подниматься на верхний балкон. Четвёртое: если ночью услышите рёв — закрыть дверь, лечь на пол и ждать тишины. Пятое: если тишина не наступила до рассвета, молиться тому богу, который согласится слушать такую, как вы.

— Обнадёживающе.

— Шестое: не смотрите милорду ректору в глаза во время приступа.

— Почему?

— Потому что дракон может решить, что вы бросаете вызов.

— А если я случайно моргну неуважительно?

— Тогда умрёте с удивлённым лицом.

Я кивнула.

— Хорошо. Не смотреть, не входить, не трогать, не дышать громко. Что-то ещё?

Дайна подошла ближе.

Её лицо стало жёстче.

— Да. Не думайте, что если милорд ректор приказал снять цепи, вы стали свободной. Башня заперта для вас надёжнее любой темницы. Попытайтесь сбежать — мост не выпустит. Попытайтесь навредить ректору — я лично выброшу вас с верхнего балкона. Попытайтесь соблазнить его жалостью — не успеете.

Вот тут я не выдержала.

— Соблазнить? Жалостью? Дайна, я выгляжу как человек, которого только что вытащили из подвала, избили, обвинили в краже и поселили в чулане. Если кто-то в этом состоянии соблазнится, ему нужен не роман, а срочная консультация специалиста.

Она молчала.

Потом уголок её губ дрогнул.

Едва заметно.

— У вас слишком длинный язык, Вельт.

— Мне уже говорили.

— Здесь его могут укоротить.

— Постараюсь не давать ножницы кому попало.

Дайна отвернулась к двери, но перед уходом всё-таки сказала:

— Через час принесут воду. Умойтесь. Потом кухня. Служанки в башне не лежат без дела, даже если их недавно судили.

— А если у служанки сотрясение?

— Значит, пол она будет мыть медленнее.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

И вот тогда меня накрыло.

Не сразу. Не красиво. Не трагично.

Я просто стояла посреди пыльной комнаты, с баночкой мази в руке, и вдруг поняла: сейчас никто не войдёт и не скажет, что это ошибка. Не будет больничного коридора. Не будет Маруси, которая орёт в шесть утра над пустой миской. Не будет телефона с треснувшим экраном. Не будет сообщения от мамы: «Ира, ты опять не спишь?»

Мамы.

Я села на край кровати.

Пыль взлетела облаком.

— Чудесно, — прошептала я и закашлялась.

Слёзы пришли неожиданно. Не громкие, не истеричные. Просто потекли по лицу, смешиваясь с грязью и засохшей кровью.

Я умерла.

Там, дома, моё тело, наверное, лежит в морге. Мама узнает. Кошку кто-то заберёт или не заберёт. Мальчик, которого я вытолкнула, будет жить. Может быть, даже не вспомнит моё лицо.

А я здесь.

В теле девочки, которую тоже почти убили.

И если я сейчас развалюсь, погибну уже окончательно.

Я вытерла лицо рукавом.

— Так, Соколова, — сказала вслух. Голос дрожал, но это был голос. — Плач пять минут. Потом обработка ран, вода, еда, сбор информации. Паника по расписанию после ужина.

Это помогло.

Не сильно, но помогло.

Я открыла баночку с мазью и начала осторожно наносить её на запястья. Щипало так, что хотелось выругаться словами, которые в академии военных драконов, возможно, считались древними заклинаниями.

Мазь работала быстро. Краснота не ушла, но боль стала глуше.

Интересно.

Я понюхала состав ещё раз. Смола, мята, что-то похожее на зверобой, и тонкая металлическая нота. Серебро? Магический аналог антисептика?

Вода появилась через полчаса. Не «принесли» — кувшин на столе просто наполнился сам. Я смотрела на это секунд десять.

— Спасибо, водопровод с характером.

Кувшин никак не отреагировал.

Умный.

Я умылась, насколько смогла, стянула грязную форму и переделалась в серое платье служанки. Оно было велико в плечах и мало в груди — Лира, кажется, питалась обидами,

но тело всё равно упрямо пыталось стать женским.

В зеркале над тазом отразилась незнакомка.

Слишком молодая. Слишком бледная. Серые глаза огромные, под ними тени. Разбитая губа. Синяк на скуле.

И что-то ещё.

Я наклонилась ближе.

В глубине радужки мелькнула тонкая серебристая искра.

Моргнула — исчезла.

— Нет, — сказала я зеркалу. — Сегодня не будем. На сегодня хватит драконов.

Зеркало благоразумно промолчало.

Кухня башни оказалась на первом этаже. Дайна ждала меня там с видом человека, который мысленно уже написал некролог и теперь недоволен, что адресат явился живым.

— Опоздали.

— Я не знала, куда идти.

— В башне все дороги ведут туда, где вас ждёт работа.

— Удобно. И жутко.

Она поставила передо мной корзину с травами.

— Разобрать. Сухие отдельно, испорченные в печь, тёмно-синие не трогать голыми руками.

— Почему?

— Хотите проверить?

— Нет.

— Уже прогресс.

Я села за стол и принялась за травы. Работа была монотон-

ной, почти успокаивающей. Листья, стебли, корешки. Некоторые растения были похожи на земные. Некоторые шевелились, когда я к ним прикасалась. Один корень попытался укусить меня за палец.

Я ударила его ложкой.

— В моём отделении кусались и крупнее.

Дайна покосилась на меня.

— В каком отделении?

Я замерла.

— В прошлом.

— У прачек нет отделений.

— У этой прачки была богатая внутренняя жизнь.

Дайна ничего не сказала, но взгляд стал внимательнее.

Опасно.

Надо меньше болтать.

Минут через двадцать я поняла, что тёмно-синие листья — те самые, запах которых был в лекарстве Каэля. Осторожно, краем ножа, я сдвинула один на отдельную тарелку.

— Как называется?

— Ночная вербена.

— Седативное?

— Что?

— Успокаивает?

— Для обычного человека — да. Для дракона с яростью крови — удерживает зверя.

— Или давит симптомы, пока причина растёт.

Дайна медленно положила нож.

— Вельт.

— Я молчу.

— Нет. Вы думаете вслух. Это хуже.

Где-то наверху глухо ударило.

Башня дрогнула.

Ключи на поясе Дайны звякнули.

Я подняла голову.

— Что это?

— Работа.

— Работа обычно не бьётся о стены.

Сверху донёсся низкий звук.

Не крик.

Не рычание.

Рёв.

Такой глубокий, что он прошёл через камень, стол, грудную клетку и отозвался в зубах.

Дайна побледнела.

Совсем чуть-чуть. Но побледнела.

— В комнату, — сказала она.

— У него приступ.

— В комнату.

Ещё один удар.

На потолке посыпалась пыль.

Я встала.

— Где северный зал?

Дайна оказалась передо мной быстрее, чем я ожидала.

— Вы слышали правила.

— Да. Особенно то, где надо закрыть дверь и ждать тишины. Обычно такие правила пишут люди, которые потом удивляются, почему пациент умер.

— Он не пациент.

— Сейчас — пациент.

— Он дракон.

— Тем более. Дракона будет сложнее вынести.

Дайна схватила меня за руку. Сильно. Пальцы у неё были сухие, железные.

— Вы не понимаете. Когда милорд теряет контроль, он не узнаёт никого. Ни меня, ни лекаря, ни себя. Если вы войдёте, он разорвёт вас раньше, чем услышит.

Сверху снова ударило.

На этот раз вместе со звоном стекла.

А потом я услышала голос.

Низкий. Сломанный. Почти нечеловеческий.

— Прочь.

Дайна закрыла глаза.

На её лице впервые появилась не злость.

Страх.

Нет. Не за себя.

За него.

Вот оно.

В башне его боялись, но не ненавидели.

— Что ему дали? — спросила я.

— Настой.

— Сколько?

— Двойную дозу. Лекарь сказал, если приступ начнётся после суда...

— Чёрт.

Я выдернула руку.

— Ночная вербена может угнетать дыхание? Замедлять реакцию? Давать спазм сосудов?

— Я не лекарь.

— Зато я да.

Дайна посмотрела на меня так, будто эта фраза прозвучала не впервые, но сейчас почему-то попала в цель.

— Вы дочь прачки.

— Сегодня да. Вчера было сложнее.

Я схватила со стола полотенце, кувшин с водой и тарелку с обычными светлыми листьями, которые по запаху напоминали мяту.

— Если хотите выбросить меня с балкона, сделаете это после. Сейчас покажите дорогу.

— Милорд запретил.

— Милорд через несколько минут может прожечь себе лёгкие собственной магией. Выбирайте, Дайна: послушная башня или живой ректор.

Она ненавидела меня в этот момент.

Правда ненавидела.

Потому что я сказала то, что она сама боялась подумать.

Сверху раздался третий удар.

И короткий, оборванный звук боли.

Дайна выругалась.

Очень тихо. Очень неприлично. И, судя по тому, как вздрогнули стены, возможно, магически.

— За мной.

Мы бежали по лестнице.

Точнее, Дайна бежала. Я пыталась не умереть от одышки, головокружения и общей непригодности к героическим марш-броскам после суда. На втором пролёте перед глазами потемнело. На третьем я ударила плечом о стену. На четвёртом решила, что если выживу, первым делом потребую у ректора не свободу, а нормальный завтрак.

Северный зал оказался за двойными дверями, покрытыми серебряными рунами.

Одна створка была треснута.

Изнутри тянуло холодом.

И жаром.

Одновременно.

— Дальше я не пойду, — сказала Дайна.

Не из трусости. Я поняла это по голосу. Её просто не пустил магия.

— Что внутри?

— Каменный круг. Цепи. Балкон. Если он ещё в центре — не подходите спереди. Если у стены — не подходите вообще.

— Оптимистично.

— Вельт.

Я обернулась.

Дайна смотрела на меня уже без колкости.

— Если он скажет вам уйти — уходите. Не спорьте с драконом.

Я почти улыбнулась.

— Я врач. Мы спорим со смертью. Дракон переживёт.

И вошла.

Северный зал был огромным.

Настолько огромным, что башня снаружи не должна была его вмещать. Каменный круг в полу светился тусклым синим. По стенам тянулись цепи — не железные, а магические, сотканые из света и тени. Несколько уже были разорваны.

В центре стоял Каэль Даррен.

И нет — «стоял» было слишком человеческим словом.

Он держался на ногах, но спина была согнута, пальцы впились в камень колонны, будто он мог раздавить её одной рукой. Чёрная форма порвалась на плече. Под тканью кожа была покрыта тёмными трещинами, которые расползались от груди к горлу и правой руке.

Глаза горели янтарём.

Зрачки стали тонкими, вертикальными.

За его спиной мерцали полупрозрачные крылья — не настоящие ещё, но уже не иллюзия.

Красиво?

Да.

Страшно?

Так, что хотелось развернуться и признать: правила башни, возможно, писали не идиоты.

Каэль поднял голову.

— Выйди.

Голос был не тот, что в зале суда.

Ниже. Грубее. В нём было сразу два звука: человеческий приказ и звериный рык под ним.

Я заставила себя не смотреть прямо в глаза.

Правило шестое. Иногда даже полезное.

— Нет.

Пауза.

Плохая пауза.

— Вельт.

— Да, милорд ректор. Та самая служанка, которую вы поселили у себя. Сервис включён.

Он резко выдохнул.

По полу побежал иней.

Мои босые ступни — я только сейчас поняла, что выбежала из кухни без обуви, — обожгло холодом.

— Уйди.

— Не могу. Вы сейчас дышите так, будто собираетесь умереть назло всем присутствующим. А я сегодня уже умерла один раз, одной смерти за день с меня достаточно.

Его пальцы сломали кусок камня.

— Я убью тебя.

— Возможно. Но сначала сядьте.

Он посмотрел на меня.

Я всё-таки встретила его взгляд.

На секунду.

Этого хватило, чтобы внутри всё сжалось. Там, за янтарным огнём, была боль. Огромная. Старая. И ярость, которую он держал так долго, что она проросла в кости.

Но ещё там было сознание.

Он слышал.

— Сядьте, — повторила я уже мягче. — Не на колени. Спина к колонне. Медленно. Если упадёте, я вас не подниму. У меня сегодня день не для подвигов.

Каэль засмеялся.

Коротко.

Хрипло.

И этот смех почти сразу перешёл в судорожный вдох.

Он всё-таки опустился у колонны. Не потому, что послушался. Конечно нет. Просто решил стратегически изменить высоту расположения тела. Мужчины в любом мире одинаковые.

Я подошла на три шага.

Трещины на его коже шевельнулись.

Воздух вокруг стал плотнее.

— Не ближе, — сказал он.

— Мне нужно посмотреть руку.

— Нет.

— Да.

— Вельт.

— Каэль.

Имя вырвалось само.

Он замер.

Я тоже.

В зале суда я не решилась бы. Здесь — почему-то да. Может, потому что передо мной был не ректор, не судья и не дракон. Передо мной был больной, который слишком долго притворялся крепостью.

— Мне нужно посмотреть руку, — сказала я тише. —
Иначе я не пойму, что именно вас убивает.

— Проклятие.

— Это название, не диагноз.

Он закрыл глаза.

Плохой признак. Сознание уходит.

Я подошла ближе, присела рядом и осторожно взяла его правую руку.

Горячая.

Нет. Ледяная.

Нет — и то и другое. Кожа была холодной снаружи, но под ней пульсировал жар, как под тонким слоем льда течёт кипяток.

Пальцы чернели от ногтей вверх.

Не некроз. Не яд в обычном смысле.

Сосудистый спазм? Магический? Блокировка потока?

Я приложила два пальца к запястью.

Пульс рваный. Слишком частый. Пропуски. Дыхание поверхностное.

— Что вы приняли?

— Настой.

— Сколько?

— Не... помню.

— Великолепно. Дракон, ректор, генерал, а таблетки пьём как бабушка с форумов.

Он приоткрыл глаза.

— Что?

— Неважно. Дышите за мной.

— Приказы... мне?

— Не приказы. Медицинская услуга с плохим сервисом. Вдох на четыре. Раз. Два. Три. Четыре. Выдох на шесть. Нет, не рычать. Выдыхать.

Он попытался.

Получилось плохо.

Крылья за его спиной вспыхнули ярче. Одна магическая цепь натянулась, зазвенела и лопнула.

Я вздрогнула, но руку не отпустила.

— Смотрите на меня.

— Ты нарушаешь... свои же правила.

— Это были правила Дайны. У меня другие.

— Какие?

— Пациент не умирает без моего разрешения.

Каэль снова издал звук, подозрительно похожий на смех.

Хорошо.

Если смеётся — дышит.

Я намочила полотенце водой из кувшина и приложила к его шее. От ткани пошёл пар.

— Слишком горячо внутри, слишком холодно снаружи,
— пробормотала я. — Организм пытается удержать форму, но магия рвёт ткани. Ночная вербена давит дракона, но человек не выдерживает компенсацию.

— Ты... не можешь этого знать.

— Не мешайте мне быть умной.

Я взяла светлые листья, растёрла пальцами, дала ему вдохнуть запах.

— Не глотать. Просто дышать.

Он резко повернул голову.

— Это не лекарство.

— Да. Это раздражитель. Нужно сбить спазм. Ваш организм заиклился на угрозе. Дадим ему другую.

— Ты сумасшедшая.

— Возможно. Но пока я единственная сумасшедшая в комнате, которая не ломает стены.

Трещины на его коже дошли до ключицы.

Одна — самая тёмная — потянулась к сердцу.

Я почувствовала её.

Не увидела. Именно почувствовала.

Как тонкий скрежет внутри собственного запястья. Будто кто-то провёл иглой по стеклу.

Я замерла.

Перед глазами на миг вспыхнула странная картина: чёрная нить, впившаяся в грудь Каэля; где-то далеко — синий кристалл, пульсирующий в темноте; чужая рука в золотой перчатке.

Я отдёрнула пальцы.

Каэль зарычал.

— Что ты сделала?

— Пока ничего.

— Ложь.

И был прав.

На моих пальцах светилась тонкая серебристая линия.

Не кровь.

Свет.

Очень слабый, почти прозрачный.

Я уставилась на руку.

— Это не я.

— Вельт.

— Я сказала: не я.

Трещина на его груди дёрнулась, как живая.

И вдруг потянулась ко мне.

Нет.

Не ко мне.

К свету на моих пальцах.

Каэль резко схватил меня за запястье левой рукой.

— Отойди.

— Поздно.

— Отойди!

Но я уже поняла.

Эта штука реагировала на меня не как на угрозу.

Как на выход.

Глупость. Абсолютная, самоубийственная глупость. В моём мире за такое лишали бы диплома, если бы комиссия не умерла от смеха: сунуть руку в неизвестное магическое проклятие у полудракона, который только что обещал тебя убить.

Но если я ничего не сделаю, он сорвётся.

А если сорвётся, Дайна умрёт первой. Потом, возможно, вся башня. Потом академия решит, что служанка довела ректора до припадка, и меня казнят уже официально.

Выбор, как обычно, богатый.

Я положила ладонь на самую тёмную трещину у его ключицы.

Каэль выгнулся.

Крылья ударили по воздуху.

— Дышите! — крикнула я.

Мир взорвался холодом.

Не образно.

По-настоящему.

Холод вошёл через ладонь, ударил в кости, поднялся по

руке к плечу. Я закусила губу, чтобы не закричать. Перед глазами побежали белые искры. В голове зазвенело.

А потом я увидела проклятие.

Не глазами.

Внутри.

Чёрные нити, обмотавшие сердце дракона. Узлы. Петли. Старая рана у правого плеча. И где-то под ними — яркий, почти ослепительный северный свет, запертый в клетке.

Каэль был не проклят.

Его держали.

Как зверя в ошейнике.

— Кто-то... — я едва могла говорить. — Кто-то привязал это к артефакту.

— Что?

— Не сейчас.

Свет на моих пальцах стал ярче.

Чёрная трещина под ладонью дрогнула.

Отступила на волосок.

Каэль перестал рычать.

Его дыхание сбилось, потом стало глубже.

Я почувствовала, как напряжение в его теле чуть отпускает.

И вместе с этим меня накрыла слабость.

Сильная, липкая, мгновенная.

Я убрала руку, пока не упала прямо на него, что было бы драматично, романтично и крайне неудобно для врача, па-

циента и всех свидетелей.

В зале стало тихо.

Крылья за спиной Каэля погасли.

Иней на полу начал таять.

Я сидела рядом, тяжело дыша, и смотрела на свою ладонь.

Серебристый свет исчез.

Почти.

Осталась тонкая прозрачная полоска на коже. Как шрам от стекла.

— Вельт, — сказал Каэль.

Голос снова стал человеческим.

Уставшим.

Опасным.

Я подняла глаза.

Он смотрел на меня.

Не как на служанку.

Не как на воровку.

Как на загадку, которую либо решают, либо уничтожают, пока она не решила тебя.

— Кто вы? — спросил он.

Я хотела ответить остроумно. Правда хотела. Что-нибудь про плохой день, чужие тайны и моё нежелание умирать повторно.

Но сил не осталось.

— Сегодня? — выдохнула я. — Кажется, идиотка, которая спасла дракона без страховки.

Он не улыбнулся.

Его взгляд опустился на собственную грудь.

Я тоже посмотрела.

Под моей ладонью тьма на его коже треснула.

Не исчезла.

Отступила.

А из-под неё проступила тонкая прозрачная линия — будто кто-то провёл по телу ректора осколком стекла.

Каэль Даррен открыл глаза шире.

И его дракон посмотрел прямо на меня.

Глава 3. Дефектный дракончик

— Уберите руку, — сказал Каэль.

Я моргнула.

Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: его пальцы всё ещё сжимали моё запястье. Не больно. Уже не как пленницу. Скорее как человек, который держится за край стола после землетрясения и только что понял, что стол тоже живой.

— Это вы держите мою, — напомнила я.

Он посмотрел вниз.

Отпустил.

На коже остался след — не синяк, нет. Тонкая серебристая полоска, такая же, как на его груди. Она мигнула и исчезла, будто мне показалось.

Каэль Даррен медленно поднялся.

Я тоже попыталась.

Ключевое слово — попыталась.

Пол внезапно решил стать ближе, ноги — декоративной частью организма, а голова — воздушным шаром, который кто-то отпустил в потолок. Я покачнулась.

Ректор поймал меня за локоть.

Быстро. Почти резко.

— Не надо, — сказала я.

— Что именно?

— Делать вид, что вы не собирались дать мне упасть.

Его лицо стало прежним: холодным, ровным, непроницаемым. Если бы я не видела, как несколько минут назад он сидел у колонны с тьмой под кожей, решила бы, что передо мной статуя с плохим характером.

— Я собирался не дать вам умереть в северном зале. Дай-на плохо переносит пятна крови на камне.

— Заботливый работодатель.

— Не обольщайтесь, Вельт. Забота не входит в ваши условия содержания.

— А условия содержания где-то выдают письменно? Я бы ознакомилась перед подписанием рабского договора.

Он прищурился.

В янтарных глазах ещё оставалась тень дракона. Не агрессия. Внимание.

— Вы слишком бодры для человека, который только что вмешался в проклятие.

— Это профессиональная деформация. Врачи шутят, пока не падают.

— Вы не врач.

— В этом мире — пока нет.

Сказала и поняла, что сказала лишнее.

Каэль услышал.

Конечно услышал.

Он ничего не спросил. Это было хуже. Вопросы можно отбить. Молчание оставляло место для выводов, а у ректора

Академии военных драконов выводы наверняка были острыми, как хирургические инструменты.

Дверь северного зала распахнулась.

На пороге стояла Дайна. Лицо — белое. Спина — прямая. В руках — полотенца, флакон с настоем и кинжал.

Практичная женщина. Не знаешь, чем закончится лечение, — бери всё.

Она посмотрела на Каэля. На меня. На расплавленный иней у колонны. На прозрачную линию на груди ректора.

Кинжал чуть опустился.

— Милорд?

— Жив, — сказал Каэль.

— Вижу.

— Тогда почему вы выглядите так, будто недовольны?

Дайна перевела взгляд на меня.

— Потому что жива не только вы.

— Я тоже рада вас видеть, — сказала я.

— Молчите, Вельт. Когда башня решит, что ей нужна ваша речь, она попросит.

Каэль сделал шаг.

И слегка поморщился.

Очень слегка. Обычный человек не заметил бы. Я заметила.

— Сядьте, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

Дайна закрыла глаза.

Кажется, мысленно попрощалась со мной ещё раз.

— Вы забываетесь, — произнёс Каэль тихо.

— Нет. Я запоминаю. Приступ снят не полностью. Правая рука всё ещё немеет, дыхание лучше, но сердце работает рывками. Если сейчас начнёте героически изображать непобедимого ректора, через десять минут вас снова сложит. Только на этот раз я могу не успеть.

— Вы угрожаете мне заботой?

— Предупреждаю медицинским фактом.

Дайна вдруг кашлянула.

Подозрительно похоже на задавленный смешок.

Каэль бросил на неё взгляд.

Она стала каменной.

— В мой кабинет, — сказал он.

— Вам нельзя работать, — сказала я.

— Вам нельзя жить в моей башне и отдавать приказы. Но день, как я вижу, богат на нарушения.

Он пошёл к выходу.

Я сделала шаг за ним — и мир снова поплыл.

На этот раз Дайна подхватила меня под руку.

— Всё, лекарь без диплома. Вниз.

— Мне нужно понять, что с ним.

— А мне нужно, чтобы вы не умерли раньше ужина. У каждого свои заботы.

Каэль остановился у двери.

Не обернулся.

— Дайна.

— Милорд?

— Накормите её.

Я открыла рот.

Он продолжил:

— И закройте шкаф с лекарствами.

Закрыла.

Дайна повела меня вниз, крепко держа за локоть. Я не сопротивлялась. Во-первых, ноги до сих пор спорили с реальностью. Во-вторых, спорить с Дайной после того, как она принесла кинжал на медицинский осмотр, казалось неразумным.

— Вы понимаете, что сделали? — спросила она, когда мы спустились на кухню.

— Предположительно спасла вашего ректора.

— Вы коснулись проклятия Дарренов.

— Оно первым начало.

— Это не шутки.

— Я заметила по разорванным цепям.

Она усадила меня за стол, поставила миску густой похлёбки и кусок хлеба. Я посмотрела на еду с таким чувством, с каким другие женщины, наверное, смотрят на бриллианты.

— Ешьте.

— Если там яд, я всё равно съем.

— Яд в башне подают к ужину. На обед — дисциплину.

Я взяла ложку.

Похлёбка была горячей, жирной, с кусками мяса и кореньев. После суток голода — божественной. Я заставляла себя есть медленно, но организм Леры считал иначе. Он явно решил: если хозяйка занята язвительностью, вопрос выживания возьмёт на себя желудок.

Дайна наблюдала молча.

— Что? — спросила я после третьей ложки.

— Вы едите как человек, который давно не ел.

— Удивительно, правда? Сутки в подвале не включали шведский стол.

— Лера Вельт раньше почти не ела в общей столовой.

Я замерла.

— Почему?

— Потому что там ей часто портили еду.

Ложка стала тяжёлой.

В памяти Леры вспыхнуло: суп, в котором плавают чёрные жуки. Смех за спиной. Хлеб, пропитанный чем-то горьким. Мальчишеский голос: «Примесь не сдохнет, они живучие».

Я медленно положила ложку.

— Кто?

— Все понемногу.

Это было сказано без эмоций. И именно поэтому ударило сильнее.

Все понемногу.

Так обычно и убивают. Не один злодей с ножом, а сто при-

личных людей, каждый из которых толкнул чуть-чуть.

— Ешьте, — повторила Дайна уже мягче.

Я заставила себя продолжить.

После еды меня отправили разбирать бельё и мыть пол в малой галерее. Не потому, что в этом был срочный смысл, а потому что Дайна верила: если человек способен стоять, он способен быть полезным. В чём-то я её понимала. В больнице мы тоже часто держались на движении: пока делаешь — не разваливаешься.

К вечеру руки ныли, голова гудела, а тело Лиры начинало понимать, что смерть под машиной была только началом приключений.

Зато я узнала башню.

Немного.

Первый этаж: кухня, кладовые, комнаты прислуги, малая галерея, прачечная. Второй: кабинет ректора, библиотека, зал карт, закрытая дверь с печатью. Третий: личные покои. Северный зал — выше, в отдельном крыле. Верхний балкон — запретный.

Запретов было столько, что башня больше походила не на дом, а на минное поле с коврами.

Вечером Дайна вручила мне корзину с чистыми полотенцами.

— Отнесёте в лазаретный угол при тренировочном дворе.

— Мне можно выходить из башни?

— Мне — нет. Вам — по приказу милорда ректора.

— Он приказал?

— Он сказал: «Пусть служанка видит, что украла».

— Как мило.

— Милорд редко бывает мил.

— Я заметила.

Дайна подошла ближе и тихо добавила:

— Не задерживайтесь. Не разговаривайте с кадетами. Не отвечайте на оскорбления. Не поднимайте голову, если рядом золотые.

— А если золотые уронят голову первыми?

— Вельт.

— Поняла. Быть мебелью.

— Быть живой.

Это уже было серьёзно.

Я кивнула.

Тренировочный двор вечером был шумным. Кадеты заканчивали занятия: кто-то убирал оружие, кто-то смеялся у фонтана, кто-то сжигал остатки магических мишеней. В воздухе пахло потом, дымом, мокрым камнем и чем-то озоновым.

Я шла с корзиной, опустив взгляд.

Не из покорности.

Так лучше видеть ноги окружающих. Кто ускорился. Кто перегородил путь. Кто готовит подножку.

Подножку мне поставили у самого лазаретного навеса.

Конечно.

Я ожидала.

Поэтому не упала. Просто шагнула шире, корзина качнулась, но полотенца остались внутри.

— Смотрите-ка, служанка научилась ходить, — протянул женский голос.

Я подняла глаза.

Мирена Вальт стояла в окружении трёх девушек. Вечернее солнце золотило её волосы, форму, улыбку и общее ощущение дорогой гадины.

— Лира, — сказала она ласково. — Тебе идёт серое. Почти не видно грязи.

Внутри у Лире сжалось всё.

Моё — нет.

Я слишком устала, чтобы бояться красивых академических мучительниц.

— Благодарю, леди Вальт.

— Леди? — она засмеялась. — Слышали? Башня научила её манерам.

Девушки за её спиной хихикнули.

Я попыталась обойти.

Мирена шагнула следом.

— Куда торопишься? Ректор ждёт? Или ты уже решила, что если он снял с тебя цепи, ты стала особенной?

— Нет. Я решила, что полотенца сами себя не донесут.

— Полотенца, — повторила она с наслаждением. — Как быстро ты нашла своё место.

Одна из девушек толкнула корзину.

Полотенца рассыпались на камни.

Внутри Лиры вспыхнула паника: собрать, извиниться, не злить, не смотреть.

Я медленно выдохнула.

Раз.

Два.

Три.

Потом присела и начала собирать полотенца.

Мирена наклонилась ближе.

— Так и надо. На коленях тебе лучше.

Я подняла на неё глаза.

— Осторожнее, леди Вальт.

Она улыбнулась.

— Что?

— Если я на коленях, мне очень удобно заметить грязь на ваших сапогах.

Улыбка дрогнула.

Я подняла одно полотенце двумя пальцами. На белой ткани остался золотистый след.

Пыльца? Магический порошок? Тот самый, который был на полу галереи в воспоминании Лиры перед ударом?

Мирена заметила мой взгляд.

И слишком быстро убрала ногу.

Попалась.

— Что ты там вынюхиваешь?

— Привычка служанки. Грязь многое рассказывает о хозяевах.

Девушки перестали смеяться.

Мирена выпрямилась.

Вокруг её пальцев вспыхнули золотые искры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.